

УДК 340.12(47)''16/17''(045)

*Л.В. Мининкова***ТЕОРИЯ ВОТЧИННОГО ГОСУДАРСТВА В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ**

Теория вотчинного государства основывается на представлении о Московском государстве как о великокняжеской и царской вотчине. В. О. Ключевский подчеркивал, что Смута поставила под сомнение эти представления, поскольку с пресечением династии не пресеклось существование государства. Историк-юрист Г. Г. Тельберг подчеркивал, что отсутствие в Уложении 1649 г. статьи о преступлениях против царских родственников свидетельствует об изживании в российском обществе понятия о вотчинном государстве. Однако источники, относящиеся ко времени Петра I, свидетельствуют о том, что в сознании людей в России нового времени представление о вотчинном государстве сохранялось. Это видно из законодательства, из сочинений Ф. Прокоповича, В. Н. Татищева, И. Т. Посошкова. При этом Ф. Прокопович и В. Н. Татищев использовали для его обоснования аргументацию в духе рационализма нового времени.

Ключевые слова: теория вотчинного государства, законодательство времени Петра I, Ф. Прокопович, В. Н. Татищев, И. Т. Посошков.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-132-137

Начиная с К. Д. Кавелина, в отечественной историографии прочно утвердилась мысль, согласно которой в сознании всех слоев населения Московского государства со времени Ивана III сложилось представление о сформировавшемся государстве как о великокняжеской и царской вотчине. Великий князь, а затем и царь представлялся по традиции вотчинным владельцем государства, его собственником. Одновременно возникало представление о нем как о государе, а о Русской земле как о государстве не только под его властью, но и как его вотчинного владения. Полностью признавалось при этом, что подобное представление прочно удерживалось в Московском государстве до Смутного времени.

Бурные события Смутны в России начала XVII в. давали основание В. О. Ключевскому говорить о том, что они подрывали сложившееся в общественном сознании представление, по которому люди Московского государства видели «в своем государе ... хозяина московской государственной территории» [3, с. 67]. Они в ходе событий убеждались в том, что с пресечением династии «государство не распалось, а собралось с силами и выбрало себе нового царя» [3, с. 67]. Как отмечал В. О. Ключевский, они увидели, что «общество, народ не политическая случайность», но «политическая случайность есть скорее всего династия» [3, с.68]. Кроме того, в Смуту волею обстоятельств сложилась практика избрания царя на престол. Но, как подчеркивал Ключевский, уже по факту своего избрания такой выборный царь «не мог смотреть на государство взглядом наследственного, как на свою вотчину» [2, с. 394]. Конечно, подчеркивал В. О. Ключевский, для общества, привыкшего жить в условиях вотчинного государства, выборный царь был «несообразностью». Не удивительно, что в таких условиях Романовы довольно быстро превратились в наследственную династию, в 1645 г. Алексея Михайловича признавали безусловно «в качестве законного наследника по прямой линии» [17, с. 273]. Тем не менее предпосылки для постепенного изживания состояния вотчинного государства в результате потрясений Смутного времени, согласно В. О. Ключевскому, возникали. Но о завершении существования вотчинного государства в России после Смуты В. О. Ключевский не говорил.

Более определенно об этом говорил на рубеже XIX-XX вв. историк-юрист Г. Г. Тельберг. В доказательство он приводил нормы второй главы Уложения 1649 г. царя Алексея Михайловича. Он указывал, что в статье 1 этой главы, где речь шла об умысле «на государское здоровье», и в статье 2, где упоминалось про «измену» «державе царского величества», объектом преступления (умысла или деяния) выступала особа «царского величества» [11, с. 20]. Г. Г. Тельберг полагал, что время, когда существовала как норма права «"измена государевым детям" как особое политическое преступление» [13, с. 103], к середине XVII в. прошло. Оно существовало, по словам Г. Г. Тельберга, «в эпоху, когда вся политическая жизнь была проникнута вотчинным взглядом на государство и государственную власть, когда правящая династия рассматривала эту власть, как свое достояние». Такое время, указывал он, закончилось. Отсутствие в статьях второй главы Уложения об умысле на здоровье государя и об

измене упоминания о родственниках царя, и упоминание только лишь о царе было, считал Г. Г. Тельберг, «симптомом прогресса политической мысли» [13, с. 103] в России, связанным с отходом от понятий вотчинного государства в сторону представления о государстве нового времени, или как о деле не только государя, но и всего народа, общества в целом.

Г. Г. Тельберг едва ли был в этом отношении вполне прав. Если следовать подобной логике, то в несколько более позднем юридическом документе, тексте присяги Войска Донского 1671 г. на верность царю Алексею Михайловичу, царские родственники упоминались. В числе лиц, которым приносилась присяга, упоминался не только великий государь, но и царица, царевичи и царевны, сестры и дочери царя Алексея. Текст присяги ставит под сомнение вывод Г. Г. Тельберга об уходе в прошлое в XVII в. состояния вотчинного государства. Положение царя как вотчинного государя с неизбежностью сопровождалось поголовным холопством всех его подданных. Для московских людей такое состояние было привычным, но иностранцам оно бросалось в глаза по сравнению с порядками в западноевропейских странах. По существу, положение о рабской зависимости жителей России стало для иностранцев, писавших о Московском государстве, общим местом их сочинений, наиболее прямо эту мысль выразил, пожалуй, А. Олеарий, посетивший страну при царе Михаиле Федоровиче. По его словам, у царя «все его подданные, как дворяне и князья, так и простонародье, горожане и крестьяне, являются его холопами и рабами, с которыми он обращается как хозяин со своими слугами» [4, с. 202].

Между тем признаки сохранения в сознании русского общества представления о государстве как о том, что принадлежит царю, наподобие вотчинного владения, как пережиток сохранялось не только при царе Алексее Михайловиче, но и в более позднее время. Отражение такого понимания сущности государства и роли царя в государстве находилось в некоторых официальных документах петровского времени. Это относится к прошению сенаторов от 22 октября 1721 г. к Петру I принять на себя титул «Петра Великого, Императора Всероссийского, Отца Отечества» [9, с. 179]. Известно ироническое отношение к этому прошению А. С. Пушкина. По его словам, после подношения этих титулов «Петр недолго церемонился и принял их. Сенат (т. е. восемь стариков) прокричали три раза *vivat*» [8, с. 304]. Конечно же, для А. С. Пушкина как для мыслителя и историка, воспитанного на базовых принципах Просвещения с критическим отношением к холопскому почитанию власти, повод для иронии имелся. Но вместе с тем в сенаторском прошении заметна традиционная идея государства как того, что принадлежит государю, или вотчинного государства, в новом идеологическом обрамлении. В данном случае такое право государя определяется тем, что он – «Отец Отечества», то есть создатель этого отечества. Пример же взят также в духе культуры нового времени, со ссылкой на прецеденты из античной истории, когда «делалось обыкновенно от Римского Сената за знатные дела императоров их такие титулы публично им в дар приношены» [9, с. 179]. Ссылка на римский прецедент звучала убедительно в условиях, когда античность стала матрицей новой европейской культуры, а сам Петр I использовал античные образы для выстраивания собственного героического образа в сознании подданных [14, с. 31, 73, 75–77].

Не обязательно, однако, в официальном документе проявлялась забота о придании идее вотчинного государства соответствия духу времени. Так, в главе 1 Генерального регламента 1720 г. чиновники коллегий и «прочие чины гражданские» должны были приносить присягу не только царю, но и «его царского величества высоким законным наследникам, которые по соизволению и самодержавной его царского величества власти определены, и впредь определяемы и к восприятию престола удостоены будут». Присяга также приносилась «ея величеству государыне царице Екатерины Алексеевне» [6, № 3534, с. 142]. То же самое сказано дословно в тексте присяги членов Духовной коллегии, или Синода, 1721 г. [6, № 3718, с. 314].

Подобное понимание места царя в государстве проявлялось в сочинениях авторов петровского времени. В своем «слове похвальном» Петру I по случаю победы над шведами под Полтавой Феофан Прокопович, в то время преподаватель Киево-Могилынской академии, со свойственным ему красноречием обозрел территорию, занимавшуюся Московским государством «от реки нашей Днепра» и «берегов Евксиновых» «до далечаших пределов едва слухом ко нам заходящего царства Китаехинскаго», «оттуда на глубокую полночь до Земли новой и до берегов моря Ледовитаго», и «на запад до моря Балтицкаго». И после этого он заявил: «Сия бо суть пределы монарха нашего» [15, с. 82–83]. Заявление вполне определенное. Вся территория России, пределы которой были указаны Феофаном, прямо названы им принадлежностью царя, или же выказана идея, согласно которой государство с его территорией – это то, что принадлежит государю. Такое право Феофан в слове по поводу заключения

Ништадтского мира со Швецией от 28 января 1722 г. объяснял тем, что Петр I – «державнейший отец наш» [15, с. 186]. А в слове на погребение Петра Великого от 8 марта 1725 г. тем, что это был государь, «воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу», и поэтому он «отечества своего отец» [15, с.199]. Для России с ее патриархальными традициями обоснование положения государя сравнением с отцом давало возможность слушателям слова соотнести царя в государстве с положением отца-хозяина в традиционном семейном укладе. Впрочем, в качестве отца отечества Петр I выступал еще в «слове похвальном» Феофана Прокоповича по случаю полтавской виктории, то есть задолго до принятия царем этого титула. Обращаясь непосредственно к царю в звательном падеже, в соответствии с высоким стилем литературной традиции, Феофан торжественно провозглашал: «отче отечества нашего, пресветлейший монархо» [15, с. 84].

С присущим ему мастерством церковного проповедника и полемиста, с ярким литературным красноречием Феофан убеждал слушателя, что особые права на государство определяются не только царским титулом, но и исключительными заслугами Петра I. В своем слове похвальном от 27 июля 1720 г. по случаю победы российского флота над шведским он кратко и четко заявил, чем обязано государство своему царю. Он «многими ... Россию одолжил еси благодеянии! Тебе должна есть исправление и, красоту и толикую силу свою; тебе должна всю толь дивную и славную измену свою, что презренна прежде и поруганна всем, ныне славна и страшна всем есть, на мори и на земли» [16, с. 111], – говорил Феофан. Такая аргументация определялась культурой раннего нового времени. В ней уже недостаточно было ссылок на генеалогические, династические и вотчинные права. Необходимы были доводы со ссылками на личные заслуги государя, подтверждавшего его традиционное право вотчинника-собственника. Лучшими из таких доводов были его заслуги, состоявшие в том, что он произвел «измену» в государстве в лучшую сторону, по существу спасшего его и проживавший в нем народ от презрения и поругания. Но, как видно, аргументацией в духе нового времени Феофан владел не хуже, чем традиционной церковной аргументацией.

Несомненно, что Феофан Прокопович был не только панегиристом Петра I, но и человеком государственным, и занимал в силу своей образованности, умения писать и понимать систему политических воззрений и настроений Петра I видные места в церковной иерархии. Другой писатель и мыслитель петровского времени, И. Т. Посошков был совершенно иным человеком по происхождению, занятиям и месту в обществе. Выходец из среды зажиточных подмосковных ремесленников, он, как отмечал его советский биограф Б. Б. Кафенгауз – «денежный и водочный мастер, "купецкий человек" и землевладелец» [1, с. 288], или человек по существу «из народа», с сознанием, характерным для широких слоев населения страны. И если Прокопович считал необходимым обосновывать право царя на владение государством и его людьми его особыми заслугами, то для Посошкова такого обоснования вовсе не требовалось, мысль о его необходимости в духе культуры нового времени даже не приходила ему в голову. Весьма точную оценку его воззрениям давал историк русской общественной мысли и выдающийся марксист Г. В. Плеханов. Он подчеркивал, что «Посошков был монархистом: в Московском государстве республиканцев не бывало». Но делает при этом добавление как исследователь теории вотчинного государства, что «трудно представить себе, как сильно пропитаны были его взгляды – не только политические – духом вотчинной монархии» [5, с. 106]. Г. В. Плеханов, как известно, видел принципиальную разницу между абсолютной монархией в европейских государствах, например, во Франции, и российской вотчинной монархией. По его словам, «французский король не владеет населением своего королевства, а только получает от него средства, необходимые для управления страной и для ее защиты» [5, с. 110]. Совершенно иным он видел государственное и общественное устройство в России. В подтверждение он ссылается на Посошкова. Согласно Посошкову, «крестьянское богатство – богатство царственное» [7, с. 178], и, следовательно, «крестьяне принадлежат государю» [5, с. 110] со всем их имуществом. Г. В. Плеханов приводил при этом исключительно яркую фразу Посошкова, выражавшую самую суть вотчинной монархии в России. «Крестьянам помещики не вековые владельцы», – писал Посошков, – «а прямой им владетель российский самодержец» [7, с. 178].

В рассуждении о деньгах Посошков особо подчеркнул отличие между королевской властью в европейских странах и царской властью в России. Он писал, что иноземцы «в своих иноземских деньгах сличают цену по положению в них материалу, а не по власти королевской». По-иному было, по его словам, в России. «Мы же, – отмечал Посошков, – монарха своего почитаем яко бога и честь его опасно храним и волю его всеусердно исполняем». И поэтому, если «имя его царского величества

означено», то, «аща медь, то и медь подобает пологати самую чистую», «буде же серебро, то и серебро самое ж чистое и безпорочное было б» [7, с. 237]. Одно имя монарха, приравнивавшегося к богу, обеспечивало в России, согласно Посошкову, чистоту монеты. А поскольку выпуск монеты представлял собой государственную функцию, то она в данном случае сводилась к личности государя. Тем самым Посошков не только обожествлял Петра I, но и прямо ставил его на место государства, отождествлял понятия государства и царя.

Положение государя как владельца государства распространялось, таким образом, на владение им людьми в этом государстве. Об этом в своем сочинении 1722 г. «Правда воли монаршей» Феофан Прокопович высказывался весьма осторожно. Обращаясь к Петру I, он говорил на тему права его назначать по своей воле наследника престола: «ты к общей нашей пользе владеешь над нами вечно, то есть понеже смертен еси, то да по тебе, ты же и сам впредь оставляешь нам наследного владельца» [15, с. 357]. Автор современной биографии Феофана В. Г. Смирнов видит в обосновании им такого права государя влияние понятий византийского семейного права из кодекса Юстиниана. По этой норме, «отец мог лишиться наследства непокорного сына» [10, с. 89]. Следовательно, государство тем самым приравнивалось к обычной собственности, которой владел и по праву распоряжался государь, по существу, наравне с тем, как это было с вотчиной в вотчинный период русской истории. Как видно, Посошков высказывался на эту тему несравненно более прямо, чем Прокопович, и без каких-либо оговорок заявлял о принадлежности крестьян государю. В этом отношении положение не изменилось по сравнению со временем вотчинного государства при Иване Грозном, где все были царскими холопами, которых государь мог по своей воле миловать и казнить. При Петре I изменений в этом отношении не произошло, о чем и свидетельствовал Посошков.

Сопоставление Петра I как государя с отцом семейства встречается также у В. Н. Татищева. В своей «Краткой записке о царствовании Петра I», составленной вскоре после смерти царя, в апреле 1725 г. в Стокгольме, он указал на его исторические заслуги перед Россией. В частности, он писал, что монарх свои успешные войны завершил, «пожелаемым миром венчав, яко благопредусмотрительный отец чад своих во всякой желаемой тишине и покое оставил» [12, с. 311]. Царь у Татищева выступал, таким образом, как «отец» своих подданных-«чад». Его роль – владельца-хозяина в государстве определялась в той же мере, как отец выступает хозяином в своем доме и в своей семье, со своими «чадами».

Таким образом, в общественной мысли России теория вотчинного государства, которая сформировалась еще в период завершения объединения русских земель вокруг Москвы при Иване III, при Петре I удерживалась достаточно прочно. Она нашла отражение в официальных документах и в сочинениях Феофана Прокоповича и Ивана Посошкова, в меньшей степени у Василия Татищева. При этом между выражением этой теории указанными авторами имеются особенности. Так, церковный автор Прокопович и светский автор и ученый Татищев прибегали к вполне рациональному аргументу, указывая на заслуги Петра I. Для Прокоповича, кроме того, было важно подчеркнуть, что царь – это «отец отечества», создавший государство в новом его облике. Ту же самую мысль выдвигали сенаторы, «восемь стариков», прокричавших «vivat» при принятии Петром I титула Отец Отечества. Что же касается автора «народного», Посошкова, более далекого от новых рационалистических идей, то для него главным было соответствие теории, определяющей царя как вотчинновладельца всем государством, исторической и культурной традиции Московского государства, к которой относилось также обожествление царя и стирание границы между понятиями государя и государства.

В сознании русского общества, таким образом, теория вотчинного государства оказалась исключительно живучей. Она благополучно пережила Московское государство и перешла в сознание населения Российской империи, в том числе интеллектуальной и образованной верхушки российского общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Кафенгауз Б. Б. И. Т. Посошков и общественно-политическая литература эпохи Петра I // *Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения* / под ред. Б. Б. Кафенгауза. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 281–312.
2. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 2 // *Ключевский В. О.* Соч. в 8 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. 468 с.

3. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 3 // *Ключевский В. О.* Соч. в 8 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. 426 с.
4. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. В. Ловягина. Смоленск: Русич, 2003. 480 с., ил.
5. *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли. Кн. 2 // *Плеханов Г. В.* Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 21. 296 с.
6. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 6: 1720–1722. СПб: Тип. II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. №№ 3534, 3718.
7. *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / под ред. Б. Б. Кафенгауза. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 412 с.
8. *Пушкин А. С.* История Петра I. Подготовительный текст // *Пушкин А. С.* Соч. в 10-ти т. М.: Худ. лит., 1977. Т. 8. С. 5–342.
9. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юрлит, 1986. 512 с.
10. *Смирнов В. Г.* Феофан Прокопович. М.: Соратник, 1994. 224 с.
11. Соборное Уложение 1649 года. Комментарии. Л.: Наука, 1987. 448 с.
12. *Татищев В. Н.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 488 с.
13. *Тельберг Г. Г.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912. 342 с.
14. *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.
15. *Феофан Прокопович.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2020. 624 с.
16. *Феофан Прокопович.* Соч. / под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 504 с.
17. *Черепнин Л. В.* Земские соборы Российского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 418 с.

Поступила в редакцию 08.06.2022

Мининкова Людмила Владимировна, доктор исторических наук,
 профессор кафедры отечественной истории средних веков и нового времени
 ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140
 E-mail: lvmininkova@sfedu.ru

L.V. Mininkova

THE THEORY OF THE PATRIMONIAL STATE IN THE SOCIAL THOUGHT OF PETER THE GRATE'S TIME

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-1-132-137

The theory of the patrimonial state is based on the idea of the Moscow state as a grand-ducal and tsarist patrimony. V. O. Kluchevsky emphasized that the Time of Troubles (Smuta) called into question these ideas, since the existence of the state was not stopped with the suppression of the dynasty. The historian-lawyer G. G. Telberg emphasized that the absence in the Code of 1649 of the article on crimes against tsar relatives testifies to the obsolescence of the concept of the patrimonial state in Russian society. However sources dating back to the time of Peter the Grate indicate that in the minds of people of modern Russia the idea of the patrimonial state was preserved. This is evident from the legislation, from the writings of F. Prokopovich, V. N. Tatishchev, I. T. Pososhkov. At the same time F. Prokopovich and V. N. Tatishchev used arguments in the spirit of modern rationalism to justify it.

Keywords: theory of the patrimonial state, legislation of the time of Peter the Grate, F. Prokopovich, V. N. Tatishchev, I. T. Pososhkov.

REFERENCES

1. *Kafengaus B. B.* I. T. Pososhkov i obshchestvenno-politicheskaia literatura epohi Petra I [I. T. Pososhkov and socio-political literature of the era of Peter I] // *Pososhkov I. T.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения [A book about poverty and wealth and other writings]. Ed. by B. B. Kafengausa. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1951, pp. 281–312.
2. *Kluchevski V. O.* Kurs russkoi istorii [Russian History course], pt. 2. *Kluchevski V. O.* Soch. v 8-mi t. [Works in 8 vol.], Moscow, State Publishing House 1957, vol. 2, 468 p.

3. *Kluhevski V. O.* Kurs russkoi istorii [Russian History course], pt. 3. *Kluhevski V. O.* Soch. v 8-vb t. [Works in 8 vol.]. Moscow, State Publishing House, 1957, vol. 3, 426 p.
4. *Olearii A.* Opisania puteshestvia v Moskoviu [Description of a trip to the Moscovy], per. s nem. A. V. Loviagina. Smolensk, "Rusich" Publ., 2003, 480 p., il.
5. *Plehanov G. V.* Istorija russkoi obshchestvennoi mysli [History of Russian Social Thought], Book 2. *Plehanov G. V.* Sochinenia [Essays]. Moscow: Leningrad, State Publishing House, 1925, vol. 21, 296 p.
6. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda [The Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649], vol. 6: 1720–1722. St. Petersburg, Printing house of the 2nd branch of His Imperial Majesty's own Chancellery, 1830. №№ 3534, 3718.
7. *Pososhkov I. T.* Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochinenia [A book about poverty and wealth and other writings]. Ed. by B. B. Kafengausa. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1951, 412 p.
8. *Pushkin A. S.* Istorija Petra I. Podgotoviteliiy tekst [The History of Peter I. Preporatory text] // *Pushkin A. S.* Soch. v 10-ti t. Moscow, Hudozhestvennaia literatura, 1977, vol. 8, pp. 5–342.
9. Rossiiskoe zakonodatelstvo X–XX vv. V 9 t. [Russian legislation of the X–XX centurys. At 9 vol.] Moscow, Urлит, 1986. Т. 4: Zakonodatelstvo perioda stanovlenia absolutizma, 512 p.
10. *Smirnov V. G.* Feofan Prokopovich [Feofan Prokopovich]. Moscow, „Soratnik“ Publ., 1994, 224 p.
11. Sobornoe Ulozhenie 1649 goda. Kommentarii [The Cathedral Code of 1649: Comments]. Leningrad, "Nauka" Publ., 1987, 448 p.
12. *Tatishchev V. N.* Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow, "ROSSPEN" Pudl., 2010, 488 p.
13. *Telberg G. G.* Ocherki politicheskogo suda i politicheskikh prestuplenii v Moskovskom gosudarstve XVII veka [Essays on the Political Court and Political Crimes in the Moscow State of the XVII century]. Moscow, Printing house of the Moscow Imperial University, 1912, 342 p.
14. *Uortman R. S.* Scenarii vlasti. Mify i ceremonii russkoimonarhii, [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian Monarchy]. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaia I. Moscow, "OGI" Publ., 2002, 608 p.
15. *Feofan Prokopovich.* Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow, "ROSSPEN" Publ., 2010, 624 p.
16. *Feofan Prokopovich.* Soch. [Essays] Ed. by I. P. Eremina. Moscow: Leningrad, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1961, 504 p.
17. *Cherepnin L. V.* Zemskie sobory Rossiiskogo gosudarstva v XVI–XVII vv. [Zemskie sobory of the Russian state in the XVI–XVII centuries]. Moscow, "Nauka" Publ., 1978, 418 p.

Received 08.06.2022

Mininkova L. V., Doctor of History, Professor at Departament of National History of the Middle Ages and Modern Times
Southern Federal University
Pushkinskaya st., 140, Rostov-on-Don, Russia, 344006
E-mail: lvmininkova@sfedu.ru